

Первая народная больница города Q. Чу Бэй, не задерживаясь, поднялся на лифте на самый верхний этаж.

Он толкнул первую попавшуюся дверь и вошел внутрь. Жар в теле вспыхнул с новой силой, и Чу Бэй, подняв руку, принялся расстегивать пуговицы на рубашке.

Человек, сидевший напротив, бросил ему упаковку лекарств.

Чу Бэй взял её, взглянул и нахмурился:

— От жара и воспаления?

Ху Цин, чьи персиковые глаза с лукавым прищуром то и дело скользили по губам Чу Бэя, ответил с усмешкой:

— Губы опухли.

Чу Бэй коснулся подушечкой пальца всё еще онемевших губ и с гордостью произнес:

— Он был слишком горяч.

В этот момент Мэн Юймин, находившийся далеко в университете, внезапно чихнул, лежа в своей кровати.

Ху Цин, словно не в силах вынести подобного, передернул плечами.

— Кровь Мэн Юймина уже отправили на анализ. Что касается второго человека, она должна быть здесь с минуты на минуту.

Чу Бэй остался доволен его эффективностью. Он прикусил коренной зуб и с любопытством спросил:

— Ху Цин, а у тебя и правда большие связи. Найти потомка семьи, которая столько лет скрывалась от мира и, по слухам, давно вымерла — это надо уметь.

Ху Цин улыбнулся в ответ:

— Просто повезло.

Чу Бэй слегка прищурился, глядя на Ху Цина пронизательным, испытующим взглядом.

— И всё же... раз ты сам вышел на меня, не боишься, что Шэсинь обрушит на тебя свой гнев?

Насколько он знал, хоть Ху Цин и занимал высокую должность в Ассоциации управления духами, реальная власть была сосредоточена в руках Шэсиня. Будучи учеником Шэсиня, Ху Цин, несмотря на свои очевидные таланты, оставался обычным человеком, и та банда духов в Ассоциации никогда не признавала его до конца. Если Шэсинь узнает, что Ху Цин за его спиной связался с оборотнями, трудно представить, что его ждет.

Ху Цин лишь слегка изогнул губы в неглубокой улыбке. Он внезапно спросил:

— Молодой господин Чу, знаете, в чем главное различие между людьми и духами?

Чу Бэй нахмурился.

Ху Цин положил руку на грудь и ответил:

— В этом. Жизнь духов невероятно длинна. Небесный Путь даровал им сотни, а то и тысячи лет. Даже если они когда-то поддались чувствам, со временем эти эмоции неизбежно сотрутся... — в глазах Ху Цина на миг мелькнула печаль, но тут же исчезла, сменившись равнодушием. — А жизнь человека — это всего лишь несколько десятилетий. Разные пути людей и духов.

Пальцы Чу Бэя слегка дрогнули.

Ху Цин продолжил:

— Рано или поздно я покину Ассоциацию, но перед этим хочу сделать для учителя последнее дело.

Чу Бэй был удивлен, но уверенно возразил:

— Шэсинь не позволит тебе уйти.

Этот человек был известен своей деспотичностью и жестокостью. Ху Цин рос рядом с ним и знал слишком много секретов. Если он захочет уйти, то только через смерть.

— Об этом не стоит беспокоиться молодому господину Чу.

Чу Бэй неопределенно повел бровью. Его тон был спокойным, но в глазах разгорался огонь.

— Плевать на разные пути. Я живу здесь и сейчас.

Ху Цин замолчал, опустив взгляд.

Вскоре в дверь постучали.

— Здравствуйте, это здесь нужно сдать кровь?

На пороге стояла девушка с хвостом на голове. Одета просто, с тонкими чертами лица, она казалась холодной, словно высеченной из льда. Глядя на двух статных мужчин в костюмах, она не выказала ни тени смущения. Окинув взглядом просторный кабинет, она нахмурилась:

— Я, кажется, ошиблась дверью?

Ху Цин поднялся и улыбнулся ей:

— Сюньдао, верно? Вы не ошиблись.

Она прищурилась, на мгновение замешкавшись.

Ху Цин подсказал:

— Мы виделись в приюте.

Сюньдао осталась холодна:

— Вы врач?

Ху Цин покачал головой:

— Я здесь по делам, пункт сдачи крови за стеной.

Не желая продолжать светскую беседу, Сюньдао развернулась и ушла. Её манера поведения была настолько своеобразной, что даже Чу Бэй опешил.

Ху Цин встретился взглядом с Чу Бэем и с досадой заметил:

— Кровь рода Даосов особенная, да и характер у них у всех, мягко говоря, странный.

— Даосы... неужели они пали так низко?

Если бы они не нуждались в деньгах, зачем бы им приходиться в больницу сдавать кровь?

Ху Цин махнул рукой:

— Не совсем так. Это я попросил передать ей, что в больнице есть беременная женщина с такой же группой крови, которой нужно срочное переливание. Она как раз подрабатывала поблизости, предсказывая судьбу, вот и примчалась.

Чу Бэй в недоумении дернул щекой:

— Подрабатывала предсказаниями?

Это же Даосы! Семья экзорцистов, возникшая тысячи лет назад, во времена Юньмэн Дацзэ, когда духи правили миром, и державшая в страхе всех демонов! Хотя с течением времени число духов сокращалось, а некогда процветающий род Даосов пришел в упадок, их кровь всё еще текла в жилах потомков, идеально вписавшихся в современное общество. Видеть, как некогда грозная семья опустилась до такого, было печально.

Ху Цин, будучи человеком, не мог прочувствовать это в полной мере, ведь старые распри для него были лишь слухами. Он ответил как нечто само собой разумеющееся:

— Можно сказать, применяет знания на практике.

— ...

— Просить Даоса погадать — это всё равно что потратить миллион, чтобы пригласить на обед мирового бизнес-магната, а потом спросить его, сколько будет один плюс один.

Ху Цин признал:

— Да, это действительно печально...

Проводив Сюньдао взглядом, Ху Цин закурил.

Прислонившись к дорогому автомобилю, он выпускал кольца дыма, прищулив сексуальные персиковые глаза. Его внешность была безупречна, и сейчас он излучал некую декадентскую красоту, заставлявшую прохожих то и дело останавливаться. Однако в этой ауре сквозила холодная неприступность, отпугивавшая тех, кто хотел познакомиться.

Дым, попавший в легкие, обжег горло. На самом деле он не умел курить — просто зажигал сигарету, когда на душе становилось пусто и беспокойно.

Впервые он закурил в старших классах. В ту ночь ему приснился учитель, и утром он, пылая от стыда, пошел стирать белье. Это потрясение до сих пор стояло перед глазами. Оказалось, он гей. И он влюбился в Шэсиня.

Сам факт его ориентации был делом обычным, но объектом его чувств стал собственный учитель... Сильнейшее чувство стыда не давало ему покоя. Тогда, в выпускном классе, он выдумал предлог, что в общежитии лучше учиться, и съехал из особняка Шэсиня. И с тех пор не возвращался.

Он жил один много лет, и Шэсинь навещал его считанные разы. Ху Цин знал, насколько безжалостен Шэсинь. Тот исправно переводил деньги на жизнь, но на этом всё заканчивалось. Ху Цин даже заболел, боялся звонить учителю.

Однажды, когда у него был жар и он бредил, в голове стоял лишь образ нахмуренного Шэсиня. Он позвонил, и трубку взяли почти сразу. Ху Цин, с красными, как у кролика, глазами, пытался что-то сказать, но из трубки донеслось:

— Вы ищете господина Шэ? Он сейчас в душе.

Голос принадлежал молодому человеку, слащавому и неприятному. Тот принял его за любовного соперника и осыпал насмешками. Ху Цин, сгорая от стыда, сбросил вызов. Глядя в ночную тьму, он беззвучно заплакал. Сначала тихо, а потом зарыдал в голос. Было так обидно. Разве любить кого-то — это такой грех, что за него нужно так страдать?

Именно в ту ночь он достал сигареты и курил, захлебываясь слезами. На следующий день, если бы учителя и одноклассники не нашли его без сознания, он бы, наверное, погиб.

Первым, кого он увидел, очнувшись, был Шэсинь. Ху Цин почувствовал радость и прошептал:

— Учитель...

Шэсинь нахмурился и холодно произнес:

— Следи за собой, не доставляй другим хлопот.

Одноклассники под мощным давлением ауры Шэсиня замахали руками:

— Нет-нет, никаких хлопот!

Ху Цин, бледный как полотно, до крови закусил губу, впиваясь ногтями в ладони. Ему казалось, что он провалился в ледяную бездну. Шэсинь считал его обузой. У него хватило ума понять: для Шэсиня он не более чем приبلудная собака. Не стоило надеяться на что-то большее. Но ведь столько лет вместе... даже к собаке привязываешься. Именно тогда Ху Цин осознал: пропасть между людьми и духами никогда не преодолеть.

— Тц.

Снова нахлынули воспоминания. Ху Цин потер виски, потушил сигарету о машину и усмехнулся:

— Как всегда, жалок.

Вернувшись домой, он увидел, что в квартире горит свет. Ху Цин замер. После того как Шэсинь устроил ему разнос из-за Ли Цина, он в сердцах наговорил учителю лишнего. С тех пор он

старался избегать встреч — прошло уже больше полумесяца. На самом деле, тоска оказалась не такой уж невыносимой. Привыкаешь, как к сигаретам: вроде бы вредно, но не смертельно.

Ху Цин глубоко вздохнул и толкнул дверь. Он сощурил глаза в привычной, развязной улыбке:

— Учитель, вы пришли.

Шэсинь был в строгом костюме — видимо, только что с совещания с правительственными чиновниками. В руках он перебирал четки.

— Где ты был?

Шэсинь прищурил свои миндалевидные глаза, в его голосе сквозило недовольство. У Ху Цина дернулся висок. Лихорадочно вспоминая свои дела за последнее время, он ответил:

— Я лично извинился перед Ли Цинем, с тех пор мы не виделись.

Намек был ясен: если Ли Цин снова что-то вытворяет, он к этому не причастен. Шэсинь поджал губы, и его недовольство лишь возросло.

— Не об этом я спрашиваю... Ты что-то затеял за моей спиной?

Сердце Ху Цина пропустило удар. Он действительно связался с Чу Бэем за спиной учителя.

— Нет, — твердо ответил Ху Цин. — Разве я могу что-то скрывать от учителя?

Шэсинь подозрительно посмотрел на него, но допытываться не стал. Ху Цин почувствовал облегчение. Шэсинь устало закрыл глаза, а Ху Цин налил ему чаю. Сквозь пар Ху Цин осторожно спросил:

— Учитель, есть новые указания сверху?

Шэсинь кивнул. Он открыл глаза и с явным пренебрежением посмотрел на одноразовый пластиковый стаканчик, который протянул ему Ху Цин. Тот неловко моргнул. Шэсинь жил долго и привык к изысканности: пил чай только из родниковой воды, заваренный в исинской глине... Но здесь, в холостяцкой берлоге, ничего подобного не было.

Шэсинь всё же сделал глоток, и его голос, смягченный чаем, прозвучал еще холоднее:

— Дело вампиров еще не закрыто, а на западе города произошло два убийства. Мне сказали, что если наша Ассоциация не справится с делами духов своими силами, к нам применят принудительные меры.

Ху Цин нахмурился. Он столько лет в Ассоциации, что эти слова были ему знакомы. Принудительные меры означали, что «сверху» применят любые грязные методы: будут похищать духов, подвергать их нечеловеческим пыткам, проводить эксперименты, чтобы навсегда искоренить их звериную сущность. Хотя до этого доходило редко — «наверху» тоже боялись огласки и социальных потрясений.

— Но ведь те два убийства на западе уже раскрыли? Убийцами были духи змей.

Шэсинь раздраженно перебирал четки, его глаза потемнели:

— Именно потому, что это были две змеи, они подозревают, не предал ли я их.

Ху Цин затаил дыхание. Ассоциация управлялась духами, это было неписаным правилом. Но когда столько существ собирается вместе, кто знает, к чему это приведет... Со временем люди и духи начинали подозревать друг друга.

Шэсинь внезапно улыбнулся, отчего у Ху Цина екнуло сердце.

— Но есть и хорошая новость: Клан Чу сам вышел на нас.

Ху Цин нахмурился — об этом Чу Бэй ему не говорил. Пока он пребывал в замешательстве, Шэсинь внезапно подался вперед, коснулся пальцами уголка его глаза и недоверчиво спросил:

— Ты плакал?

Столкнувшись с внезапной близостью Шэсиня, Ху Цин вздрогнул. Он забормотал что-то невнятное, а глаза его покраснели еще сильнее. Шэсинь нашел его замешательство забавным.

— Ты правда плакал?

В голосе Шэсиня прозвучала нежность, словно он говорил с тем, кого бесконечно любил. Ху Цин вдруг почувствовал жгучий стыд.

— Я уже взрослый, с чего бы мне плакать... Может, просто бессонница.

Прохладные пальцы Шэсиня скользнули по горящим векам Ху Цина, коснулись густых ресниц.

— Ты забыл, как в детстве, когда я только взял тебя к себе, ты проплакал целую неделю?

Ху Цин не выдержал:

— А кто виноват? Учитель, вы с самого начала сказали мне, что вы дух.

Когда правительство отправило его в дом Шэсиня, ему было всего пять или шесть лет, и в тот же вечер Шэсинь признался, что он — змеиный дух, культивирующий тысячу лет. Ху Цин так испугался, что целую неделю не мог уснуть, пока не понял, что Шэсинь вообще-то не ест людей.

Годы пролетели незаметно. Ху Цин вырос, а внешность Шэсиня не изменилась. Через несколько десятилетий Шэсинь останется таким же, а он постареет и подурнеет... Каждый раз, думая об этом, Ху Цин чувствовал, словно в горле застряла рыба кость. Глядя на безупречное лицо Шэсиня, он испытывал горечь.

— Учитель, если однажды я...

Звонок телефона прервал его. Ху Цин мельком взглянул на экран — Ли Цин. В контактах было записано «Цин-эр». Глаза Ху Цина защипало, но лицо стало холодным. Он поднялся и спокойно улыбнулся:

— Учитель, я в туалет.

Не дожидаясь ответа, он ушел. Ху Цин включил воду на полную мощность, чтобы шум заглушил его тяжелое дыхание. За дверью доносились приглушенные голоса. Ху Цин смотрел на свое отражение в зеркале: красные прожилки в глазах, бледные щеки — он выглядел уродливо. Не то что Ли Цин — моложе и умеет ублажать.

Чем дольше он смотрел в зеркало, тем противнее ему становилось. Он поднял руки и насильно растянул уголки губ вверх. В зеркале отразилась улыбка, которая была хуже слез. Телефон умолк. Он не мог заставлять Шэсиня ждать.

Глубоко вдохнув, Ху Цин открыл дверь. Но успел увидеть лишь край одежды Шэсиня, когда входная дверь закрылась. Один звонок — и он ушел. Похоже, Ли Цин действительно купается в любви.

На диване остался запах Шэсиня и тепло его тела. Ху Цин позволил себе лечь на то место, где сидел учитель, и уставился на чашку с недопитым чаем. Чай остыл. Спустя долгое время Ху Цин сел и залпом допил остатки. Жажду он утолил, но внутренний пожар продолжал терзать его душу.

Университет Q, общая лекция.

Чу Бэй с сумкой через плечо и дерзкой усмешкой на губах стоял у входа, наблюдая за Мэн Юймином в первом ряду. Тот смутился так, что не смел поднять головы. Неужели Чу Бэю мало

того, что они и так у всех на слуху?!

Снаружи, цокая каблучками, к аудитории приближалась преподавательница Чэнь, прозванная «Убийцей».

— Чу Бэй! — прогремел её голос.

Чу Бэй качнулся и чуть не рухнул, зацепившись за дверной проем. Он почесал затылок, обнажив клыки в глуповатой улыбке:

— Учитель, в этот раз я не забыл учебник.

Чу Бэй давно набрал нужные баллы для выпуска, и на лекцию пришел просто «потусоваться». А вот зачем — вопрос был ясен. Преподавательница Чэнь искоса взглянула на прилежного Мэн Юймина в первом ряду и дернула уголок рта. Нынешняя молодежь — почему они такие откровенные? Двадцать лет назад она со своим мужем только за ручки держалась... кхм, не об этом речь.

— Заходи.

Чу Бэй в пару шагов оказался у парты Мэн Юймина, достал книгу и послушно сел. Мэн Юймин всё еще горел, даже кончики ушей покраснели. Сзади шептались однокурсники:

— Смотри, Мэн Юймин выглядит как типичный «пассив». Спорим на пачку лапши, он его не переупрямит.

— Не факт. По моим исследованиям, рост не всегда соответствует размеру...

Это... это! Что за темы с возрастным ограничением! Мэн Юймин не смел смотреть Чу Бэю в глаза, боясь, что тот в любую секунду вытащит свое «сокровище», чтобы помериться.

Чу Бэй, видя, как тот покраснел, словно вареная креветка, почувствовал, как сердце тает от нежности. Он достал из кармана конфету, положил её на стол и подтолкнул локтем. Они вели себя как школьники, и Мэн Юймин толкнул конфету обратно.

Чу Бэй взял её, развернул прозрачный фантик и под столом схватил Мэн Юймина за руку, вкладывая сладость в ладонь.

— Очень сладкая.

От его голоса у Мэн Юймина подкосились ноги — кто бы смог отказаться? Пока преподавательница не видела, он закинул конфету в рот. Сладкий клубничный вкус разлился по языку. Очень сладко.

После лекции Чу Бэй повел Мэн Юймина по коридору, залитому золотым солнечным светом. Он втолкнул его в пустую аудиторию и прильнул к губам. В поцелуе смешались клубничная сладость и дыхание друг друга.

За окном кружились листья гинкго. Мэн Юймин, прислонившись к его плечу, тяжело дышал:

— Зачем ты меня поцеловал?

Чу Бэй рассмеялся:

— Кто бы тебя целовал? Я просто хотел попробовать клубничную конфету.

Мэн Юймин понял, что он дразнится, и притворился сердитым, развернулся и быстро зашагал прочь. Чу Бэй пошел следом, признавая вину:

— Ладно, признаю, я поцеловал тебя, потому что хотел тебя поцеловать.

— Хватит, хватит!

Глаза Чу Бэя сияли, как звезды, а слова любви лились рекой:

— Ты слаще любой конфеты.

В голове Мэн Юймина взорвались фейерверки. Самый сладкий здесь — это ты!

Вернувшись в общежитие, Мэн Юймин бросил сумку и обернулся, встретившись с глубоким взглядом Чу Бэя. Тот улыбался, и эта улыбка была теплее осеннего солнца. Чу Бэй подошел и обнял его:

— Теперь никого нет, можно поцеловать и обнять?

А еще — поднять на руки!

Ноги Мэн Юймина стали ватными, глаза подернулись влажной дымкой:

— Нет... Юй Тун скоро вернется.

Чу Бэй посмотрел на аккуратно застеленную кровать Юй Туна и удивился:

— Юй Тун не вернулся ночевать?

Мэн Юймин кивнул.